

ЖИЗНЬ НА СЦЕНЕ

О любимом актере часто говорят: его невозможно не узнать, едва он появится на сцене.

Игорь Юрьевич Войнаровский — один из популярнейших артистов Хабаровского театра музыкальной комедии. Но о нем этого не скажешь. Скорее наоборот, его трудно узнать, — настолько различны создаваемые им образы. Именно за эту способность к перевоплощению, умение вжиться в образ своего героя, за разнообразие и яркие краски, употребляемые актером при осуществлении сценических характеристик, и любят Войнаровского.

Глава фирмы кланеров, бывший русский граф Вольдемар Лососиноостровский из оперетты В. Милютин «Цирк зажигает огни». Ломающийся в подагрических коленях ноги, высокомерный и вместе с тем жалкий взгляд пустых старческих глаз, жадные до денег суетливые руки потомственного бездельника, — все создает запоминающийся облик последнего русского дворянства, потерявшего родину, ничего не имеющего за душой, кроме единственной фразы и неперемкнутого «аристократического» монокля.

А вот Борис Гусев в первых картинах оперетты В. Белица «У нас на Дальнем Востоке...». Избалованный маменькин сынок с расслабленными мускулами, чувствующий себя спортсменом-альпинистом только в элегантном выходном костюме...

Борис из оперетты Д. Шостаковича «Москва Черемушки», владеющий всеми внешними атрибутами современных «стиляж», но в действительности мучительно ищущий своего места в жизни...

Наконец, совершенно неожиданный боцман в «Севастопольском вальсе» К. Листова. Богатырская фигура, твердая поступь моряка, неторопливые движения трудового человека, юношески горящие глаза, украинский говор — поражают своей органической слитностью.

Войнаровский живет в своих образах. Однажды, сидя в гримерной, он показал, как, по его мнению, должны были бы курить Лососиноостровский и боцман. Вздвигавшие, некогда холеные пальцы бывшего аристократа достали из кармана брюк воображаемый портсигар, выбрали папиросу и, не смяв мундштука, вставили ее в плотоядно оттопыренные губы. Затем также за кончик была извлечена спичка. А вот первая затяжка... Глаза манерно полужакрыты, тонкие губы выпускают струйку дыма, потом кольцо... Процесс курения превращен в таинство. Курит граф Лососиноостровский, курит, конечно, самые дорогие папиросы, превосходные качества которых может оценить только он, аристократ, по духу и по рождению. Смотришь и веришь. Именно так должен курить этот человек, для которого даже папиросы являются средством, маскирующим жалкую лакейскую сущность.

Но вот артист преображается. Руки сразу отяжелели, стали сноровистыми. Глаза лукаво блеснули: «Не худо бы, братцы, и перекурить». Рука привычно прохлопала по правому карману. И вот уж развязывается кисет. А глаза все горят: «Может, тоже побалуешься самосадиком, браток?». Ловкими движениями набивается табак старая боцманская трубка и с нескрываемым удовольствием делается первая затяжка. Разглаживаются усы, и боцман готов поговорить по душам со своими друзьями...

Такое органичное слияние с создаваемым на сцене образом является результатом большого труда и непрерывных исканий.

Творческая жизнь Войнаровского связана с опереттой, жанром легким по названию и таким нелегким по воплощению.

Войнаровский страстно влюблен в свой жанр. В своих творческих поисках он придерживается единственно правильного принципа: чтобы создать образы действи-

тельно близкие и понятные трудовым людям, необходимо в «легком жанре» исходить с самых серьезных, по-настоящему художественных позиций.

Игорь Юрьевич убежден, что в оперетте должны действовать не стандартные маски, не носители неизменных амплуа, а живые люди. Поэтому в своей работе он так решительно отвергает штампы, поверхностные и односторонние характеристики героев. Работая над ролью, Войнаровский старается «очеловечить» своего героя, понять его психологию, раскрыть его прошлое и взглянуть в будущее.

Понятно поэтому, что в своих творческих поисках актер нередко обращается к работам гениального советского режиссера К. С. Станиславского, добиваясь того, чтобы все создаваемые им образы были живыми людьми.

Главный режиссер театра Л. Н. Ицков вспоминает, как в 1958 году он впервые увидел И. Ю. Войнаровского в оперетте «Сильва» в роли Бони. Спектакль известный, заигранный до штампов. Но всем знакомый Бони выглядел совершенно необычно. Это не была трафаретная маска разбитного простака. Вместо фразного юноши на сцене жил человек мыслящий, наделенный способностью тонко чувствовать, и, как оказывалось впоследствии, подлинный друг Сильвы. Банальные же остроты, вложенные в уста Бони, воспринимались зрителем как вынужденное приспособление к требованиям светского общества, в котором он находится.

Такое стремление к художественной многогранности образа характерно для всех работ Войнаровского.

Возвратимся к Вольдемару Лососиноостровскому. Во многих театрах бытует прямолинейный, «лобовой» подход к истолкованию этого образа. Получается некоторая разновидность эмигрантского отребья, лишенный совести и чести лакей, готовый на любое предательство. Что, кроме чувства гадливости, может вызвать такой образ у зрителей? Но вряд ли путь к истине должен быть прямолинейным, как телеграфный столб. И Войнаровский и здесь стремится к многогранной характеристике своего героя. Конечно, бывший граф остается авантюристом, беспринципным и продажным. Но временами в его цинизме слышится горечь за бессмысленно растратенную жизнь. Нелегко сознавать себя не только бывшим графом, но и бывшим человеком.

В последней сцене, когда Лососиноостровский просит милостыню, он теряет все свое аристократическое обличье. Это просто жалкий больной старик, в глазах его ужас перед наступившей нищетой и перспективой одинокой смерти на чужбине. Что-то напоминающее раскаяние чувствует в его зависти советским артистам цирка, неразрывно связанным с любимой родиной, работающим для счастья своего народа.

Успех этой работы кроется все в том же серьезном творческом подходе к созданию образа: работая над ролью Лососиноостровского вместе с режиссером Л. Ицковым, Игорь Юрьевич видел прообраз своего героя в горьковском бароне, гениально сыгранном В. И. Качаловым.

Так Войнаровский, следуя заветам К. С. Станиславского, вносит в спектакль подтекст, второй план роли. И как обогащает это создаваемые им образы!

Недавно театр поставил оперетту Д. Шостаковича «Москва, Черемушки». В этом спектакле Войнаровский выступил в роли Бориса. Как всегда молодость героя передана им органично, естественно, без каких-либо натяжек.

По тексту В. Масса и М. Червинского Борис предстает перед нами как циник и пошляк, чуть ли не авантюрист. Казалось бы штамп для такого героя давно изготовлен: бери и пользуйся. Но Войнаровский сно-

ва избегает этого ложного пути. Пошловатые реплики Бориса произносятся им без излишнего нажима, а за внешней бравадой слышится другой подтекст... «люди работают, а я...». Актер подчеркивает в Борисе жизненное, талантливое. Верись, что Борис не безнадёжен, что он ищет свое место в жизни. А с тактом переданное зарождающееся искреннее чувство к Лидочке оставляет в сердцах зрителей надежду на исцеление этого «человека без адреса». Такая многоплановая трактовка несомненно ближе всего к музыке Д. Шостаковича, она же определяет и правильное звучание этого новаторского спектакля, душа которого в музыке, танце, шутке, пародии.

Интересно развитие образа боцмана («Севастопольский вальс»). Сначала мы видим героя в дни войны, защищающим родную Севастополь, потом ушедшим на пенсию и изнывающим от невозможности приложить свои силы к полезному делу, и, наконец, помолодевшим, нашедшим себя в мирном созидательном труде. Весь спектакль боцман, не теряя своих индивидуальных черт, ведет себя совершенно по-разному. Через всю роль проходит одно объединяющее сквозное действие: постоянное горячее желание отдавать все свои силы родному народу, советской стране. Зрители видят в боцмане представителя старой гвардии основоположников советского государства, все мысли, чувства, сама жизнь которых неотделима от своего народа.

Цель искусства, однако, состоит не только в создании «жизни» роли, но и во внешней передаче ее в художественной форме. Этими качествами настоящего артиста в полной мере обладает И. Ю. Войнаровский. Все его работы отличаются ярким и точным внешним рисунком. Посмотрите, например, как Войнаровский — Фальк в оперетте «Летучая мышь» старается выручить из пикантного положения своего приятеля Генриха. Из уст прожигателя жизни вылетает одна ложь за другой. Фальк сам поражается нелепости сказанного. Все его тело ходит ходуном. Кажется, и глаза, и руки, и ноги выражают удивление или восторг собственной выдумкой. Фальк очень комичен, но это не внешнее комикование: каждый жест внутренне оправдан.

Вспомним Войнаровского-боцмана на пенсии. Плечи опустились, руки не находят места, жалобные глаза прячутся за спасительными очками. Но вот приходит настоящее дело, и боцман преображается: плечи расправляются, очки сброшены, — вся добродушная физиономия сияет юношеской радостью.

Особым мастерством отличается танец Войнаровского. Пройдя в театре нелегкий путь от рабочего сцены до исполнителя первых ролей, Игорь Юрьевич продолжительное время работал и в балете. В памяти зрителей надолго останется яркий образ Гирея из балета Асафьева «Бахчисарайский фонтан», созданный несколько лет назад Войнаровским. Пройденная балетная школа помогает творчеству Войнаровского,

работающего в таком синтетическом жанре, как оперетта.

Творческая палитра Войнаровского широка и разнообразна. За время работы в театре им сыграны десятки ролей. В последние годы артист с особым увлечением работает над образами, требующими искусства перевоплощения. Более же всего его привлекают образы наших современников.

Весь творческий путь Игоря Юрьевича неразрывно связан с Хабаровским театром музыкальной комедии.

Свой знаменательный юбилей заслуженный артист РСФСР Игорь Юрьевич Войнаровский встречает в расцвете сил. 50-летний возраст и 25 лет работы в Хабаровском театре музыкальной комедии — немалый итог. Но артист по-настоящему молод. Он полон творческих замыслов и с подлинно юношеским задором продолжает работу в любимом жанре. Залогом этой вечной молодости являются постоянные творческие поиски нового.

Скромный и обаятельный в жизни, Игорь Юрьевич много сил отдает общественной работе. С увлечением делится своим богатым опытом с артистической молодежью, оказывает ценную помощь самодеятельности на заводе «Дальдизель».

Кого бы ни играл этот замечательный артист, он следует всегда одной сверхзадаче: средствами своего искусства помочь партии, народу в деле коммунистического воспитания трудящихся.

Д. ЯКОВЛЕВ.

Боцман («Севастопольский вальс»).

Борис («У нас на Дальнем Востоке»).

Лососиноостровский («Цирк зажигает огни»).